Люк вновь стоял в огромном позолоченном вестибюле, предшествующем Главной Палате для аудиенций своего Мастера, вглядываясь в отдаленный город за длинным рядом высоких окон. Разум же полностью сосредоточился на сложных переговорах, которые он собирался начать.

Он находился во дворце уже почти неделю, пытаясь вести себя сдержанно и незаметно, оставаясь в своих апартаментах и выходя только в тренировочные залы и собрания двора, когда это приказывал Император.

Его Мастер такое поведение, конечно, отмечал, но никак не комментировал. Зато он назначил своему джедаю тысячу мелких поручений внутри и снаружи дворца, вынуждая того взаимодействовать с разными придворными подхалимами и приближенными ко двору, но Люк выполнял все задания, не говоря ни слова и оставаясь в рамках почтительности.

Вейдер тоже был вызван на Корускант, и это позволяло Люку отсрочить необходимость передачи ему информации. Посылать такие данные даже по защищенным каналам было неразумно, а основываясь на сроках, предоставленных Люком, решено было, что лорду Вейдеру хватит времени получить всю информацию лично, перед тем как пойти к Ботавуи. На этих условиях Император разрешил Люку продолжать подготовку к запланированному им нападению, позволяя иллюзию, что он все же может как-то сам участвовать в нем; однако Люк знал о том, что Палпатин только ждет лучшего момента, чтобы вновь забрать у него эту надежду.

Это походило на своего рода небольшое сражение воли и желания, от которого Люк очень быстро устал, тогда как Палпатин, казалось, наслаждался успехом, заставляя его чувствовать себя разбитым и загнанным в ловушку. Знающим, что Палпатин просто играет в свои игры без какого-либо намерения дать своему драгоценному джедаю разрешение выйти за границы основных систем, принуждая тем самым Люка к закулисным, окольным схемам, которые тот не переносил в других.

Вынуждая Люка изучать свое ремесло, независимо от желания. Как раз сейчас Люк ждал новой встречи с Мастером, собираясь последний раз просить разрешения возглавить целевую группу. Но теперь у него было кое-что новое, что можно было поставить на кон. Последняя единственная приманка - но самая заманчивая.

Рябь в Силе казалась слабее шепота; легкий вздох, растаявший в воздухе. Последнее дыхание неблагодарной жизни. Но Люк ощутил его, благодаря далекой искривленной связи со своим прежним Мастером, остающейся, несмотря на разделившее их физическое и духовное расстояние.

Он сидел на черном деревянном полу Главного Зала Практики, в полной тишине, скрестив ноги и медитируя. Лайтсейбер лежал перед ним; после долгих часов тренировки пот холодил еще разгоряченную кожу. Разум был полностью сосредоточен и окружен спокойствием, и он исследовал тонкую рябь в Силе, ее причины и последствия.

Его способность к медитации всегда невероятно усиливалась после тренировок - в результате необходимой для них интенсивной концентрации. Годы, что Люк провел здесь - под требовательным и бескомпромиссным контролем Палпатина – вынудили его к развитию точного и мощного слияния с Силой; частично от того, что он учился этому из внушительного примера своего самоуверенного Мастера, а частично для построения необходимой защиты перед этим самым неумолимым критиком.

Касался ли он Тьмы в такие моменты? Был ли безвозвратно потерян, раз мог призывать к себе

эту неукротимую мощь так решительно и легко… и если так, тогда почему он мог отклонить ее с такой же естественной непринужденностью?

Ибо он мог шагнуть за ее пределы, мог протянуться в точной, тонкой концентрации, проскальзывая в ничтожно-малые щели, за грань отделяющую тени от тьмы. Соединяясь с уникальной, отличительной мощью такой исключительной, безупречной гармонии, что он почти чувствовал повороты галактики; ощущая бесконечно малые изменения в ее потоках и водоворотах, которые отмечали любое значимое событие; прослеживая их распространяющийся в пустоте эффект, сложные модели действительности, вероятного развития и отдачи…

И именно там он ощутил ту перемену, слабую и иллюзорную, этот последний миг существования мощи, приближенной к его собственной.

Это дало странное успокаивающее чувство – от того, что уход даже такой жизни вызвал лишь рябь на поверхности сложно установленного порядка.

Понимание того, насколько крайне незначительна жизнь даже самых влиятельных из существ в большой схеме мироздания смиряло, показывая, что галактика вращалась, не обращая внимания на их борьбу, достижения и неудачи.

Однако он ощущал и определенную печаль… даже сожаление, что события развернулись по этому пути. Последнее, что он сказал своему старому Мастеру, было обещанием вернуться. Теперь эта возможность была утрачена - хотя, пожалуй, она была утрачена задолго до сегодняшнего дня.

Люк открыл глаза и уставился на полированный черный пол, выдерживая минуту молчания – по крайней мере из уважения, если не из больших чувств; в конце концов, вероятно, он был единственным существом в галактике, имеющим достаточно близкую связь с Мастером Йодой, чтобы ощутить его уход.

Момент тишины, выжидающий…

Единственное существо с достаточно близкой связью…

В конце концов смысл произошедшего докатился до его понимания.

Люк быстро поднялся и достиг дверей, новые планы и тактика вихрем заполнили его голову. Ему предстояла аудиенция с его нынешним Мастером, переговоры - предметом которых будет Мастер Йода.

В сопровождении Мас Амедды, Люк быстро шагал вдоль палаты аудиенций, усердно скрывая свои ожидания и намерения. Он вел рискованную игру, он хорошо осознавал это, но был готов попробовать; сейчас, когда время подходило к концу и скрупулезно подстрекаемая им Мотма должна была полететь к Ботавуи, этот обдуманный риск был весьма разумен.

Близкое общение Люка с Мастером Йодой обеспечило их связь в Силе - то, чего не было у Палпатина; в конце концов, он не знал о том, что старый Мастер Джедаев до сих пор жив, пока Люк ни выдал это – и здесь и был шанс.

На сей раз Люк держал руку сверху. Знание было силой, его Мастер вдалбливал это в его голову беспрерывно. Сведения о Мастере Йоде всегда были объектом желания Палпатина, но до сих пор Люк не желал отдавать их ни за какую цену. Теперь… только взаимовыгодная

сделка, никакого грабежа. Если Люк сыграет свою партию хорошо, у него будет шанс получить в обмен то, что хочет он - то, что было ему необходимо для движения дальше.

Палпатин наблюдал за целеустремленным ровным шагом своего джедая. В течение недели после отказа в разрешении пойти за Мотмой, ему, конечно, хватало ума не говорить об этом снова, но Палпатин ждал, что тот все-таки предпримет. Учитывая настойчивость и упрямство мальчишки, он ни от чего не отказывался легко, особенно от вещей, представляющих для него такую важность. Поэтому сейчас Императору было весьма любопытно, какой будет новая стратегия его джедая.

Палпатин по-прежнему был в ярости от того, что Скайуокер взаимодействовал с Восстанием, независимо с какого расстояния. Независимо от утверждения Скайуокера, что выманить Мон Мотму было его единственной целью. Здесь на кону стояла большая угроза - та, которой раньше, казалось, не существовало. Верил он Скайуокеру или нет, было на самом деле несущественно, ибо факт оставался фактом: его джедай был способен скрыть достаточное количество информации, требуемой для выполнения всей этой операции, планируемой им, вероятно, длительное время, пока он находился еще во дворце, оправляясь после нападения и не раскрыв ни одного аспекта Палпатину, ни физически, ни ментально.

Что приводило к тревожному пониманию: мальчишка мог очень действенно лгать ему; и, как следствие, возникал очевидный вопрос: что еще скрывал Скайуокер?

Тот опустился на колено перед Палпатином, голова склонилась, темные длинные волосы были еще влажными после душа, последовавшего за интенсивной практикой; он всегда прятался за тренировками, попадая сюда, во дворец, который воспринимал как ловушку и проводил бесчисленные часы в залах практики, используя это, как метод держаться подальше от двора, от подлых и властолюбивых подхалимов и льстецов, наполнявших любое сосредоточие настоящей власти. Мальчишка ненавидел их, Палпатин прекрасно знал это, хотя сам он скорее наслаждался их компанией - его всегда привлекало наблюдать, как низко могли пасть разумные существа ради удовлетворения своих жадных амбиций. Личное развлечение: подталкивать до тех пор, пока не обнаружится переломный момент, предел… и затем уговорить пойти немного дальше.

Истинная власть лежала не во владении планетами и системами, а в полном контроле над теми, кто проживал свои жизни в пределах его влияния. Иметь в собственности чью-то душу - по-настоящему управлять ею - стоило системы планет и было более захватывающим, чем любая скучная и далекая статистика переписи населения и имущества.

Его падший джедай должен будет когда-нибудь понять это… он учился этому - Палпатин не мог не заметить, как изменялись его действия в отношениях с его "наблюдателем" Марой Джейд. Оглядываясь назад, можно было понять, что она, судя по всему, стала препятствием, когда он начал свою операцию по заманиванию Мотмы в ловушку и, не имея возможности удалить ее без привлечения внимания, он начал намного более тонкую игру.

Сейчас, с чем бы он ни пришел к своему Мастеру, это должно быть существенным. Скайуокер нанес краткий визит к Мас Амедде менее часа назад, и тот быстро отменил и передвинул назначенные ранее встречи, дождался окончания текущей аудиенции Императора и доложил тому о "существенных" изменениях графика, абсолютно заинтересованный в обеспечении немедленного доступа Наследнику.

В действительности, мальчишка редко использовал Силу подобным образом, принуждая личный штат Палпатина выполнять его требования - не в последнюю очередь из-за знания, что

его Мастер не одобрит этого: не из благодушия, конечно, а из принципиальных соображений. Однако Палпатина развлекло, что джедай сделал это сейчас - к тому же по отношению к Амедде, навязав тому свою волю так умело и всецело, что канцлер до сих пор не имел понятия, что им управляли.

Таким образом, сейчас, в свете данного целеустремленного маневрирования его Волка тон Палпатина прозвучал потакающе и снисходительно:

- Что тебе настолько необходимо сказать, что ты не мог подождать?

Люк не поднимал головы, уставившись в пол, вынуждая дыхание быть медленным и ровным.

Последний шанс, сделай все правильно.

Он знал, что Палпатин предпочитал держать его на коротком поводке, оставляя во Дворце, под рукой - и он знал почему. Но он также знал, как много будет значить для Мастера увидеть финальное исполнение его пророчества - видения, которое тот получил спустя буквально несколько дней после их первой встречи, когда они впервые померились силами; как много будет значить для Палпатина подтверждение его абсолютной веры, что идеалистичный, наивный мальчишка, который так непреклонно отказывался выдать местоположение Мастера Йоды, однажды сам, добровольно, сделает это.

Палпатин увидел бы в этом окончательное подтверждение своего контроля над Люком. Возможно, он будет прав, возможно, нет. Возможно, готовность Люка использовать смерть Мастера Йоды для своих целей указывала на невозможность искупления - а, может, его готовность так легко лгать Императору, манипулируя им для своих целей, была доказательством того, что Палпатин никогда по-настоящему не будет владеть своим драгоценным джедаем так, как он этого хочет. Люк не знал ответов и давно прекратил искать их.

Они редко нравились ему.

Все, что он сейчас знал: наконец у него были средства, способные вынудить Мастера сделать то, что ему нужно; поэтому слова, которые Люк затем произнес вслух, удивили его, вероятно, так же сильно, как и Императора:

- Заключительные работы над "Неукротимым" вернулись в свой график, Мастер. Через пять месяцев он будет выпущен с верфей Билбринги к Корусканту для официального запуска.

- Понятно, - без выражения произнес Палпатин, глаза продолжали буравить джедая. Оба знали, что он пришел сюда не для этого.

Люк не поднимался, оставаясь коленом на холодном мраморном полу перед возвышением; в мысли начало вползать глубокое отвращение к тому, что он собирался сделать. Мог ли он так поступить? Использовать смерть Мастера Йоды для низвержения лидера Восстания, созданию которого старый Мастер Джедай наверняка содействовал.

Он стоял молча, потупив глаза, вспыхнувшие беспокойство и растерянность скрутились в животе узлом, старые воспоминания потянули за собой старые принципы...

- Что-то тревожит тебя, - произнес наконец его Мастер; любопытство придало словам нехарактерный сочувствующий тон.

Люк продолжал молчать, разрываемый настоящей необходимостью и прошлыми привязанностями…

Палпатин наблюдал за стиснувшим челюсти и застывшим статуей мальчишкой, неспособным сказать то, что он собирался, и это только разогревало любопытство: что могло вызвать такую реакцию, что могло так явно лихорадить его джедая в присутствии того, перед кем он никогда не позволял показывать слабость?

- Встань, друг мой, – сильно заинтригованный, Палпатин хотел разговорить мальчишку. - Встань и пройдись со мной.

Его падший джедай выпрямился и автоматически подошел к Мастеру, по-прежнему потерянный в своей невысказанной борьбе, пойманный позади неких глубоко укоренившихся барьеров, продолжающих связывать его и приводить в смятение, не давая двигаться дальше. Небрежной походкой Палпатин вышел на широкую террасу, палящее позднее солнце неумолимо заливало бледные мраморные плиты. Нестерпимая жара корускантского лета была ему не по нраву, но он знал, что подобные вещи располагают мальчишку к непринужденности и комфорту.

Он остановился у изящной, резной балюстрады, положив на нее бледные костлявые руки и направив рассеянный взгляд на столицу: она не представляла интереса ему - она уже полностью ему принадлежала. То, чем он желал управлять, стояло рядом, в смятении и подавленности, с опущенными глазами, дрейфуя в собственных мыслях и не обращая внимания на развернувшийся перед ними захватывающий вид.

- Что могло поставить моего волка в такой тупик? - начал благосклонно Палпатин, смягчая скрипучий голос вкрадчивыми интонациями.

Мальчишка молчал, только слегка мотнул головой, изведенный до отчаяния.

Знал ли он, каким уязвимым был, цепляясь за эти разбитые обломки утраченной морали? Изучая лицо мальчишки, Палпатин видел, что тот понимает это; чувствовал, как сильно это его раздражает, как остро он желает избавиться от этих последних, изодранных пут. Так что же удерживало его сейчас в такой нерешительности и тишине?

Придя в восторг, Палпатин протянулся в Силе, испещренные охровые глаза полузакрылись в концентрации; он поднял дрожащую руку к щеке своего джедая, не касаясь ее.

- Ты потерян, дитя, - сказал он сочувственно, надеясь уговорить его. - Это старые сомнения, с которыми ты давно справился. Почему они опять изводят тебя?

Но его джедай продолжал молчать, и Палпатин отстранился - зная, что если будет нажимать слишком сильно, мальчишка только неизбежно пойдет еще больше на попятный. Даже сейчас его джедай сопротивлялся каждому шагу на своем пути - просто теперь он делал это более тонко; временами казалось, что он противится собственным решениям с той же силой, что и решениям Мастера.

Император вновь повернулся лицом к столице, хотя все его внимание оставалось сосредоточенным на борьбе, идущей внутри его отстраненного и напряженного джедая. Не поворачиваясь, Палпатин заговорил тихим, спокойным голосом, как будто делал мимоходное наблюдение:

- Как легко рушатся твои решения, друг мой. Неужели я ничему не научил тебя? Ты

действительно настолько слаб, что отдашь годы жертв, борьбы и своих достижений, уступив моментному чувству вины, и все твои стремления и амбиции значат так мало? - Он чуть повернулся, произнося последние слова: - Все значимые вещи имеют цену, ты знаешь это. Первое, чем ты должен быть готов пожертвовать ради любой настоящей цели, это ты сам.

Мальчишка неподвижно стоял еще какое-то время и затем, словно поняв наконец слова Мастера, отступил на шаг и поднял голову, взглянув глазами цвета летнего неба, темная часть правой радужки выглядела пугающе странно в ярком контрасте.

Он повернулся, споткнувшись, и быстро вышел с террасы без слов.

Палпатин переждал ровно два удара сердца, прежде чем повернуться и пойти вслед, но мальчишка настолько отчаянно хотел уйти, что уже был недалеко от дверей на противоположной стороне роскошного большого зала, когда Император вступил в его темную прохладу…

Люк быстро шагал прочь от балкона через наполненную ощущением власти, нарочито хвастливую Палату Аудиенций и был почти у самого выхода, когда почувствовал во мраке зала позади себя присутствие Мастера.

Палпатин ничего не сказал, он лишь пристально наблюдал за уходом своего джедая… но даже у этого взгляда в спину была власть остановить Люка. Или, может, причина была где-то внутри него, ибо Люк встал, тяжело дыша и смотря на двери перед собой - напряженно сдерживая себя от ведущего желания уйти.

Однако он не уходил, а продолжал все также молча стоять, борясь против своей совести и своих демонов. Тишина легла свинцовой тяжестью в мертвой темноте большого зала…

- Вы дадите мне то, что я хочу? - прозвучал в конце концов низкий голос Люка, глаза которого по-прежнему смотрели на двери перед ним.

- И что это? - Люк не повернулся, не соизволил ответить. На этот раз тишину сломал Палпатин:
- Я уже принял решение.

- Пересмотрите его.

- В связи с чем?

Люк полуобернулся, светлые глаза вспыхнули в тусклом свете.

- В обмен на местоположение Мастера Йоды.

Желтые глаза Ситха расширились, он сделал два быстрых шага вперед…

И Люк понял, что добился своего. Впереди еще предстояли демонстрация своей позиции, обсуждение деталей, умиротворение самолюбия… но все это будет теперь формальностью. Он получит разрешение - он знал это.

Ничего не говоря, Палпатин медленно прошел к трону, и Люк повернулся к нему лицом, ожидая первого залпа.

- Я не меняю решений, джедай, - начал Император.

Люк подавил свой сарказм на эту неприкрытую ложь. Не имело значения, что будет сказано

сейчас, ему больше ничего не нужно было доказывать – он знал, что уже выиграл.

- Я и не прошу этого, Мастер. Я прошу только вознаграждения за оказанные услуги и службу. За три года лояльности и повиновения, вы сами говорили об этом.

- Я не использовал таких слов. У меня нет привычки к подобному, когда дело доходит до моего дикого джедая. Ты - такая же помеха, как и преимущество.

Люк сделал несколько шагов вперед.

- Вы хотите лояльности? Тогда позвольте мне продемонстрировать ее вам - позвольте мне выследить ваших врагов. Дайте мне возможность доказать ее.

Палпатин молчал, на вид нисколько нетронутый его речью, но Люк знал это выражение лица, с которым смело можно было играть в сабакк. Он вновь подошел ближе.

- Какой толк от меня, если вы меня не используете? Дайте мне это, и я преподнесу вам лидера Восстания и последнего из джедаев. – Люк опустил взгляд, опасаясь, что переступил границу, однако ему было известно и о сухом чувстве юмора своего Мастера и о том, что тому нравилась возмутительная смелость своего приспешника - приправленная небольшой, но бесстыдной лестью: - Один мудрый человек как-то сказал мне, что все значимые вещи имеют цену.

Он взглянул на Императора, осторожно…

Желто-испещренные глаза Палпатина сузились, и Люк держал этот пристальный взгляд с равной ему силой… Тогда тонкие сухие губы обнажили испорченные зубы, и послышался кудахчущий смех:

- Хорошо, я заплачу твою цену. У тебя есть мое согласие, джедай… Только на этих условиях. Не разочаровывай меня.

Что конечно же произойдет, когда Палпатин пошлет своих штурмовиков на Дагобу. Люк низко поклонился, чтобы скрыть триумф на лице.

- Я никогда бы не посмел, Мастер.

Палпатин поднял брови и усмехнулся:

- И все же, кажется, ты осмелился на кое-что другое.

- Я учился в ногах своего Мастера.

Продолжая забавляться, Палпатин сузил глаза, прекрасно понимая, что его подкупали, но тем не менее смакуя это:

- И тот мудрый Мастер не учил тебя также выполнять свои обещания?

Люк взглянул старику в глаза и выпрямился, расслабляя плечи и высвобождаясь от томящего нежелания в глубоком спокойном вздохе:

- …Дагоба. Во Внешнем Кольце, недалеко от торгового маршрута Римма.

В итоге это получилось сказать на удивление легко. Он пал так низко? Или он наконец нашел свой путь?

- И где именно на… Дагоба нужно искать?

- Там три континента. Самый маленький покрыт дождевыми лесами и находится на экваторе. На его восточной стороне есть три главных притока, все можно увидеть с высокой орбиты. Я приземлялся между вторым и третьим, фактически в засаженном деревьями болоте.

Император поднял брови:

- Координаты?

- Их нет. Планета имеет рассеивающие волны свойства, вмешивающиеся в работу приборов при снижении; вероятно, поэтому ее не могли установить. Я оставил там три сигнальных метки на уровне крон деревьев, их должно быть видно в сумерках, если они еще работают.

Палпатин удовлетворенно кивнул, и Люк повернулся, чтобы уйти.

Он уже был почти на пороге, когда вновь услышал своего Мастера.

- Я думаю, послать туда тебя. Чтобы ты лично разобрался с Мастером Йодой.

Это была проверка, фактически нескрываемая. Но Люк играл свою игру. Остановившись, он чуть повернулся назад:

- Я сделаю, как вы прикажете. Если вы хотите, чтобы я полетел туда, то… - он затих, ожидая приказа и ощущая тщательно скрытые усики Силы, направленные к нему, исследующие степень искренности его ответа. Но Люку нечего было скрывать, по крайней мере, в этом: он не испытывал никакого смятения и беспокойства по поводу возвращения в укрытие своего прежнего мастера. Больше не испытывал. Сделает это он или Вейдер, не имело значения. Поэтому он позволил Мастеру ощутить эти чувства - но только эти.

Палпатин какое-то время колебался, повернув голову набок, и затем произнес:

- Нет. Нет, иди за своим мятежным агрессором. Я пошлю на Дагоба лорда Вейдера. У него имеется давний неоплаченный счет.

- Я уверен, что он достигнет цели, - с легкостью произнес Люк, разбавляя откровенную ложь завуалированной правдой, для собственного развлечения: - Мастер Йода едва ли находится в своем расцвете.

Волк Императора быстро шел через этажи и уровни к Перекрестью - великолепному и грандиозному месту, связывающему все четыре жилых башни в их основаниях - направляясь к офисам Службы Имперской Безопасности в Северной Башне. Он удерживал от ее руководителей большинство мелких деталей, как своих планов, так и Мастера. Сейчас настало время восполнить пробелы и поискать недостатки.

Он и его вездесущая алая тень из императорских гвардейцев поворачивали много голов, пока проходили это людное место; Люк не обращал внимания на очарованные взгляды и почтительные поклоны, шепчущие голоса, отзывающиеся эхом по огромному десятиэтажному месту с высоким куполообразным потолком.

Мало-помалу понимание их многочисленного присутствия просочилось к нему через Силу - не потому что он был центром внимания для очень многих, к этому он давно привык, но из-за затаенного чувства беспокойства и опасения, окрашивающего их мысли при виде идущего

среди них ситха.

Люк замедлил шаг, всматриваясь в их лица, однако никто не встречался с ним глазами. В конце концов он остановился и просто стоял на месте, пристально глядя вокруг - на острове, образовавшемся посреди разошедшегося в стороны потока существ; никто не проявлял желания подойти слишком близко.

Чего они боялись, что видели, когда смотрели на него?

Мимо прошли две женщины, придворные, в богато вышитых одеждах, рискнувшие поднять на него глаза и выдержать пристальный взгляд, и затем кокетливо оглядываясь. Люк не следил за ними дальше, оставшись равнодушным к их очевидному благоговению; выражение на его лице не изменилось ни на йоту. Он знал, что они видят: власть, положение, богатство. Ничего больше. За это они продали бы все.

Он нахмурился, отворачиваясь и вновь начиная медленно идти вперед: так уж ли он отличался от них? Что продал он, чтобы получить сегодня то, в чем нуждался?

Он прошел в Северную Башню; в голове звучали слова, сказанные им Мастеру Йоде, когда он только прибыл на Дагоба в поисках учителя…

"Закончит он, что начинает?"

"Я не подведу вас", - обещал Люк в ответ.

Могла ли цель оправдывать средства…

Или он был потерян во Тьме?

Тяжело давшийся опыт научил его, что жизнь редко бывает столь черно-белой, как ханжеская софистика, извергаемая его старым Мастером посреди сотканной им лжи. Каким образом старый джедай ожидал, что человек свергнет Империю в одиночку - выполнит задачу, которая была не по силам ему самому, опытному и бывалому наставнику, или бы он давно это сделал. И тем не менее он ждал, что Люк будет добровольно связан теми же устаревшими доктринами, которые так очевидно потерпели неудачу даже тогда, когда джедаи стояли у власти.

Люк ускорил шаг, стиснув челюсти - борясь против грызущего края совести самобичевания.

Жалел ли он, что выдал укрытие мертвого мастера джедая?

Да… и нет.

Он, возможно, подвел своего старого Мастера, но тогда Мастер Йода подвел его также; позволил ему оказаться перед своим врагом с вопиющей, основополагающей слабостью. Которую так легко можно было исправить - но это сломало бы контроль Йоды над его новым джедаем… и помешало бы личным целям.

Разве это делало старого Мастера Джедая чем-то лучше Люка?

Да, он подвел Йоду, но его учитель подвел его первым, своей ложью и манипуляциями. Ему следовало повернуть зеркало на себя, когда он проповедовал о Тьме и Судьбе.

Оправдывало ли это действия Люка? Нет. Но он не будет осужден тем, кто не был, по его мнению, лучше. И, как бы то ни было, игра не заканчивалась, пока не были разыграны все

карты - если его следовало осудить, это должно быть сделано после окончания игры.

Он еще не полностью подвел прежнего Мастера.

Вейдер открыл замок гипербарической медитационной камеры в своих дворцовых апартаментах. Было уже за полночь, но он почувствовал приближающееся присутствие сына. Едва заметное – настолько, что Вейдер сомневался, что кто-то еще мог бы уловить его.

Он вышел в противоположную пустую комнату, где был вынужден носить костюм, служащий ему системой жизнеобеспечения. В богатой кислородом, герметизируемой камере он мог, по крайней мере, снять шлем, и почувствовать вновь воздух на лице, который был недоступен ему в реальном мире, где израненные легкие не справлялись с дыханием.

Он мог бы остаться сейчас в этой камере и говорить с Люком оттуда, но не хотел, чтобы его сын видел все эти механические, поддерживающие его жизнь системы. Не хотел, чтобы тот знал, как мало осталось от человека, который был его отцом. Поэтому Вейдер ждал сына в слабо освещенной приемной, где имелось хоть какое-то подобие нормальной жизни, демонстрируемой тем немногим, кто бывал здесь. Сам Вейдер никогда не использовал эту комнату и сам ничего не выбирал для нее - за исключением большого холста, висящего на одной из стен, изображающего озера Варикино в горах на Набу.

Позади него в комнату вошел сын, и Вейдер, оторвав пристальный взгляд от картины, обернулся.

- Добрый вечер, - сказал он просто.

Мальчик кивнул в ответ.

- Комната безопасна?

Один и тот же вопрос, который они задавали друг другу каждый раз при личной встрече. Безопасна ли комната для разговора, не прослушивается ли она? Эти встречи были пределом его общения с собственным сыном; украденные моменты, напряженные и полные предостережений, чтобы не допустить их раскрытия и подозрений в предательстве.

- Да, эта комната безопасна, - коротко кивнул он; какое-то время оба стояли в тишине.

Наконец, его сын беспокойно отвел взгляд:

- "Несравненный" направляется завтра к Ботавуи.

- За Мотмой, - спокойно ответил Вейдер, поднимая на себя удивленные глаза сына. - Император сказал мне. Думаю, он хотел, чтобы это встало между нами, рассчитывая, что я буду полагать эту задачу своей. - Вейдер твердо покачал головой против неловкой вины в глазах Люка. - Он неправ. Это твоя операция, твоя стратегия. Ты должен закончить то, что начал.

Люк отвел взгляд, и Вейдер ощутил взрыв самобичевания в нем, некие вспыхнувшие воспоминания, сиплый шепот отдаленного прошлого:

"Закончит он, что начинает?"

Мимолетная аллюзия была немедленно подавлена, но учитывая, что Вейдер редко ощущал что-

либо от своего сына, произошедшее явно указывало на глубокий внутренний раздор.

- Она гордилась бы тобой, - нашел он в итоге что сказать.

- Кто?

- Твоя мать. У нее были самые высокие требования из всех, кого я знал, по отношению к себе и к окружающим. Она гордилась бы тобой.

Люк вновь отвел взгляд, испытывая крайнее неудобство.

- Я очень сомневаюсь в этом.

Долгое время они молчали, но это молчание больше не казалось неуклюжим, только … неуверенным, оба хотели продолжить, но не знали как.

- Какой она была? – наконец произнес Люк, не в силах при этом смотреть на отца.

Вейдеру казалось, что прошла целая вечность с тех пор, как он давал Люку голозапись Падме во время их полета к Корусканту, на борту "Экзекутора". Сейчас, оглядываясь назад, он не мог поверить, что полагал, будто Люк так легко и так много уступит, взяв проектор; на его месте Энакин Скайуокер поступил бы точно так же, как это сделал тогда Люк Скайуокер.

Сейчас, однако, его вопрос означал намного большее, чем только желание знать свою мать – потому что Люк хотел знать о ней лично от своего отца. Хотел знать женщину, которую знал его отец.

- Она была… очень красивой. Истинной красотой, сияющей изнутри.

- Как долго ты знал ее?

Зная о чувствах сына, так как они оба осторожно ослабили свою защиту - лишь немного, учитывая то, что оставалось - Вейдер понимал, что мальчик уклонялся от вопроса, который действительно хотел задать:

«Ты когда-нибудь любил ее?»

- Я знал ее с тех пор, как был ребенком, с девяти лет. Даже еще до того, как стал падаваном.

Его сын обдумал это, легкая нахмуренность отметила юное лицо, израненное теперь рукой Мотмы. По правде говоря, Вейдер очень хотел бы пойти за ней сам – страстно желая обратить против нее всю силу своей ярости. Но гораздо справедливее было сделать это его сыну, и из-за личного настоящего желания самого Люка, и для того, чтобы Император доверял ему.

Вейдер еще понятия не имел, что предпринял мальчик для изменения решения Мастера; тот был так долго и абсолютно непреклонен в убеждении, что Люк должен всегда оставаться неподалеку от Корусканта… И Вейдер хорошо понимал это - на месте Палпатина он установил бы те же границы.

- Она была с Татуина? - спросил Люк, смотря на отца своими разными теперь глазами.

- Нет, она была с Набу. - Вейдер хотел рассказать сыну все, о том, что его мать была сенатором и королевой, но слишком много информации за один раз только ошеломило бы его… К тому же по неким эгоистичным мотивам Вейдеру хотелось еще удерживать над мальчиком эту власть,

имея то, что возвращало бы сына к нему.

- Тогда как…? – побудил его к рассказу Люк.

- Падме попала на Татуин, когда ее корабль был поврежден. Она искала запчасти. Именно тогда мы и встретились первый раз. - Вейдер пока не хотел открывать ее фамилию, которую по-прежнему можно было легко проследить в имперских архивах. Но даже произношение одного ее имени глубоко и мучительно что-то вывернуло в нем, несмотря на многие прошедшие годы; еще одна рана, которая никогда не заживала.

Он затих, но его сын с надеждой ждал дальше, и в конечном счете Вейдер продолжил:

- Вскоре после этого я… стал падаваном, прибыв на Корускант. Мы не виделись много лет, но я всегда помнил ее.

Люк смотрел на отца, плененный тем, что тот говорил, понимая, что их разговор переместился на несуществующую ранее территорию их отношений.

- Ты был джедаем, когда снова встретил ее? - Люк знал, что такой факт означал, что отец не должен был быть с нею. Так много информации, так быстро - так много знания того, кем был его отец, и кем была его мать.

- Падме не имела никакого отношения к моим… решениям, - произнес Вейдер, и глубоко внутри Люк знал, что эти слова были предназначены для защиты его матери. И это желание защитить ее было… трогательно. - Она бы удержала меня в ложных верованиях джедаев, и я в конечном счете погиб бы вместе со всеми, защищая их ущербные идеи.

Люк перестал пытаться спорить против искореженных взглядов своего отца, они были слишком глубоки в нем, и оба знали, что сейчас не время для этого - его отец озвучил их только ради защиты…

- Ее звали… Падме?

- Да, Падме Амидала. Ее имя.

Слышать своего отца, говорящего с таким колебанием и сожалением о матери, было очень… человечно. Одновременно вызывая тревогу и приводя в восторг, ломая все предположения, которые раньше имелись у Люка, стоящего сейчас в зачарованной тишине.

- Она была умна, решительна… Пылкая и страстная в своих убеждениях. Ей невозможно было навязать чужую волю. В этом вы очень похожи.

Люк улыбнулся, опуская взгляд; эмоции потоком нахлынули на него, вынуждая изо всех сил подавлять глубокое сожаление внутри.

- Мне так жаль… - Он остановился, как из уважения к отцу, так и из-за упрека себе: тоска была бесполезна, прошлое нельзя изменить.

Остро ощущая скрутившее изнутри раскаяние - до боли очевидное восприятию Люка - Вейдер долгое время стоял молча.

- Подожди, - сорвавшись с места в неком фактически волнении он решительно вышел из комнаты.

Когда несколько минут спустя он вернулся, то застал сына, заворожено стоящим перед картиной. Знал ли он? Мог ли ощущать некий след в Силе тех бесчисленных часов, что Вейдер потратил, стоя на этом месте в опустошающей печали?

Люк повернулся к отцу, и Вейдер долю секунды колебался - у него так немного осталось от нее…

Но по этой же причине он и должен был отдать это сыну. Их сыну.

Вейдер протянул сжатый кулак, и Люк нерешительно подставил навстречу ладонь. Оказалось, что выпустить это из руки, отдавая добровольно другому, было совсем не так трудно, как он думал. Более того – это принесло ему странное облегчение.

Люк взглянул на свою ладонь, на маленький прохладный и удивительно тяжелый предмет. Он поднял руку ближе - рассматривая кольцо из темного зеркального перенниума с крупным светло-синим камнем квадратной формы.

- Оно принадлежало твоей матери, - сказал Вейдер, хотя понимал, что мальчик уже прекрасно знает это. - Я привез ей этот камень с Джабиима. Она заказала кольцо с ним и всегда носила его потом на… указательном пальце правой руки.

Джабиим… Болезненные воспоминания закрутились в голове Вейдера. Воспоминания об Оби-Ване. И о потрясении в глазах человека, чью трахею он сжимал Силой. Он быстро заморгал, отгоняя все это прочь; сейчас было не время.

- Она…

Он не стал продолжать - не смог. Он принес ей этот необработанный, ничего не стоящий камень просто потому, что когда увидел его, подумал о ней, о том, что ей это понравится. И она была в таком восхищении, держа камень у его лица и утверждая, что этот цвет был точно таким же, как цвет его глаз. А когда ей сделали кольцо, из драгоценного металла перенниума, она шутила, что этот цвет был таким же темным, как цвет его одежды.

Она всегда носила это кольцо и потом жаловалась, когда ей пришлось снять его… Из-за беременности ее пальцы отекали. Он взял кольцо тайком из ее шкатулки, намереваясь изменить размеры, чтобы она могла носить его снова…

Но служебный долг помешал ему, у него никогда, казалось, не было времени и потом, внезапно…

Внезапно ее не стало, и все изменилось. Кроме кольца, чей камень по-прежнему был цветом его глаз, обрамленным блестящим черным… как броня, которую он теперь носил.

Прошло много времени, прежде чем он смог смотреть на это кольцо - так сильно напоминающее ему о ней.

И все же, в конечном счете, оно стало одним из немногих бережно хранимых предметов его имущества.

И теперь он отдал его сыну - потому что хотел, чтобы у мальчика было что-то принадлежащее ей. Ибо понимал, что он забрал Падме не только у себя, но и у сына, и знал, что ничто из того, что он сделает или скажет, никогда не сможет изменить прошлое или возместить нанесенный вред. Он чувствовал отчаянную необходимость дать Люку хоть что-то способное связать его с

матерью, которой тот никогда не узнает… по вине Вейдера. По вине Энакина. По вине Оби-Вана.

Мальчик стоял тихо, уставившись на кольцо в руке, долгое время. Когда он наконец поднял свои синие глаза на отца, Вейдер знал, что сын ощутил всю отчаянную игру изводящих его несчастных эмоций.

- Я не могу взять это, - произнес Люк тихим, но уверенным голосом, протягивая открытую руку.

- У тебя должно быть что-то от нее, - не двигаясь, решительно ответил Вейдер.

- Не это. Я знаю, что оно…

- Возьми его. Она бы хотела этого.

Люк пытливо смотрел на отца, и Вейдер понимал, что никакая маска не скрывала его - не от сына. Затем мальчик вновь перевел взгляд на кольцо и наконец попробовал одеть его на указательный палец, на котором, по словам Вейдера, носила его мать - оно не прошло дальше первой фаланги, и Вейдер услышал мягкую улыбку в голосе сына:

- Оно такое крошечное. Должно быть, она была… - Он не продолжил, но Вейдер вновь воскресил в памяти, какой стройной она была, какой изящной. Какой хрупкой.

Люк попробовал кольцо на каждом пальце, и оно подошло только на мизинец, там он и оставил его, не в силах отвести взгляд. Он опять долго молчал, пытаясь подобрать слова, соответствующие этому бесценному подарку. В конечном счете он высказал честную, простую правду:

- Спасибо. Это бесподобный подарок. Я буду хорошо заботиться о нем, обещаю.

Почувствовав вдруг неудобство, Вейдер сделал несколько шагов назад. Небрежный, грубый голос произнес:

- Это пустяк. Оно ничего не стоит для меня. Можешь делать с ним, что тебе хочется.

- Тогда я буду дорожить им, - искренне произнес его сын, по-прежнему смотря на кольцо. Внезапно, кое-что поняв, он взглянул на отца. - У тебя синие глаза!

- У меня были синие глаза, - неловко ответил Вейдер.

Его сын тут же вернул взгляд на кольцо.

- Я всегда почему-то думал, что они были карими. Думал, мои достались мне от матери.

- У твоей матери были глаза глубокого карего цвета и длинные каштановые волосы.

Вейдеру пришло в голову, что он не упоминал о том, что Падме считала цвет камня идентичным цвету его глаз; неужели мальчик мог так всецело прочесть его мысли? Было ли это случайным промахом Люка, раскрывающим степень его способностей?

- …Что произошло с ней? - в словах мальчика зияла глубокая рана потери оставшегося одиноким ребенка; и чувство вины захлестнуло Вейдера - не могущего вымолвить ни слова.

Но Люк терпеливо ждал, так что в итоге Вейдер был вынужден говорить, хотя он и не смог

найти смелости повернуться лицом к своему сыну:

- Я… не могу сказать тебе.

Люк опустил глаза, горе и сожаление скрутили его чувства при понимании того, о чем говорит отец. И все же он не обвинил того, не сделал ничего, чтобы как-то осудить или упрекнуть отца. Возможно, он чувствовал собственное горе Вейдера, его жгучий, режущий, словно нож, стыд.

Вновь потянулась тишина, отмеченная тяжелым дыханием респиратора. Люк очень медленно поднял к отцу нему взгляд.

- Почему? - единственный оставшийся у него вопрос, как предположил Вейдер. Но даже сейчас в тихом голосе Люка не было никакого осуждения, только желание знать.

Вейдер искал тысячу раз такой благоприятной возможности - чтобы объяснить свои действия, оправдать их перед тем единственным, кто еще имел значение для него, когда тот наконец будет готов слушать. Однако сейчас, стоя перед взглядом этих синих глаз, так сильно похожих на его, он не мог найти слов и лишь покачал головой, сохраняя молчание в приступе стыда.

- Мне жаль… – пробормотал наконец его сын, отводя глаза, и Вейдер не знал, что означают эти слова: извинение или сожаление о непростительных действиях его отца.

Вейдер сделал еще шаг назад, пытаясь отвергнуть переполнявшие его эмоции.

- Тебе… нужно идти. - Его сын вскинул голову, и Вейдер нашел оправдание своим словам: - Ты здесь уже слишком долго, Император будет знать.

Это не обмануло мальчика - ни на секунду - но он отвел взгляд и отошел, готовый оставить отца одного, наедине с собой, в чем тот нуждался.

- Разумеется. Ты будешь здесь, когда я вернусь?

- Еще бы, - ответил Вейдер. - Захват Мон Мотмы будет значительным событием. - Император захочет присутствия всех, когда получит новую игрушку.

Мальчик снова беспокойно отвел глаза, на лицо легла тень рвущей его неуверенности.

- Ты делаешь все правильно, - заверил Вейдер.

- Нет, это неправильно, - спокойно ответил сын, смотря на кольцо своей матери. - Но я полагаю, что это необходимо.

Он повернулся, чтобы уйти, и Вейдер, не желая заканчивать на такой холодной ноте, выпалил:

- Я любил ее, очень.

Люк замер на ходу, слова потрясли его до самого основания - настолько, что его обычно хорошо скрытые эмоции проголосили в Силе, сознание буквально гудело от шока на это откровение. Потому что Тьма не любила. Слово "любовь" было предано анафеме, невероятно, невозможно.

- И что мне делать с этим? - не поворачиваясь, спросил он в итоге.

- Учись из этого, - жестко ответил Вейдер, возвращая к себе пристальный взгляд Люка. - Мы…

неотвратимо одинокие существа. Мы можем только разрушать то, что ценно для нас. - Люк не откликнулся, и Вейдер надавил дальше: - Ты не можешь быть близок с кем-либо, и не можешь другим позволять приближаться к тебе. - Опустошительная, невосполнимая ошибка самого Вейдера, от которой он хотел уберечь сына, от страданий и сожалений, которые изводили его собственную жизнь столько, сколько он помнил. – Провал будет неизбежен, и последствия выйдут из-под твоего контроля.

Его сын беспокойно посмотрел в сторону, намеренно отказываясь понимать это, идя дальше и останавливаясь только на пороге - не в силах оставить такое мрачное предсказание над своей головой.

- Я не ты, - тихо проговорил он, как отцу, так и самому себе. Затем, будто не желая уходить на ноте разногласий, как это часто происходило в прошлом, он повернулся: - Спокойной ночи, отец. - Люк снова посмотрел на кольцо. - И спасибо.

Вейдер еще долго и тихо стоял в комнате после того, как сын покинул ее, вся его тоска, все травящие душу эмоции, были рассеяны этими несколькими словами:

«Спокойной ночи, отец. Спасибо.”

Это был первый раз, когда Люк говорил их. И подразумевал. В сравнении с этим все остальное не имело значения.

http://tl.rulate.ru/book/24624/1246201